

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**ПРАВО, СУД, ПРАВОСУДИЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

25 февраля 2016 г.

Нижний Новгород
www.scipro.ru

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**ПРАВО, СУД, ПРАВОСУДИЕ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции**

25 февраля 2016 г.

www.scipro.ru
Нижний Новгород 2016

УДК 34
ББК 67

П 68

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Право, суд, правосудие: история и современность: сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции 25 февраля 2016 г. - Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука» - 2016. - 49 с.

ISBN 978-5-00-005574-8

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемы юстиции, права, противодействия преступности по материалам научно-практической конференции «Право, суд, правосудие: история и современность» (25 февраля 2016 г.).

Сборник предназначен для практиков, руководителей всех уровней, научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте <http://www.scipro.ru>.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-00-005574-8

- @ Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016
- @ Коллектив авторов, 2016
- @ Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Гражданское, жилищное и семейное право.....	5
Дядюра Ю.В., Сулоева Е.О. Правовая действительность брачного договора в современной России.....	5
Краснова Т.В. Проблемы правового регулирования имущественных отношений родителей и детей.....	11
Секция 2. Страхование, медицинское, образовательное.....	18
право и нотариат.....	18
Кирилловых А.А. Принципы государственной политики в сфере образования и конституционные гарантии прав граждан.....	18
Секция 3. Уголовное право.....	25
Хозяйкина Н.Е. Ответственность за торговлю людьми участников международных преступных сообществ.....	25
Чурсин А.А. Институт реабилитации: проблемы изложения в УПК РФ.....	32
Секция 4. Право зарубежных стран.....	37
Пальцева Е.С. Международно-правовые стандарты регулирования свободы слова и права на защиту доброго имени.....	37
Секция 5. Информационное право.....	46
Переверзева Н.А., Щербак Н.Е. К вопросу о создании программы «электронный гражданин» в республике Беларусь.....	46

Секция 1. Гражданское, жилищное и семейное право

УДК 347.626.24

Дядюра Ю.В., Сулоева Е.О. Правовая действительность брачного договора в современной России

The marriage contract in contemporary Russia

Дядюра Юлия Вячеславовна
Таганрогский институт имени А.П.Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ),
г. Таганрог
julia.ula@mail.ru

Сулоева Екатерина Олеговна
Таганрогский институт имени А.П.Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ),
г. Таганрог
Katrin19942007@yandex.ru

Dyadyura Yulia Vyacheslavovna
Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) of Rostov state
University of Economics (RINH), Taganrog
Suloeva Glade Ekaterina Olegovna
Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) of Rostov state
University of Economics (RINH), Taganrog

Аннотация:

Целью работы являются особенности правового регулирования договорного режима имущества супругов, выявление проблем правового регулирования реализации брачного договора на практике. Для проведения исследования использовались частнонаучные методы. Они показали, что на практике все чаще сталкиваются с использованием брачного договора при регулировании семейных отношений. Он предназначен для облегчения урегулирования имущественных отношений между супругами в случае развода. В наши дни существует парадоксальная ситуация: с одной стороны законодатель пытается обеспечить защиту прав граждан, а в реальности получается, что брачный договор не может дать этой ожидаемой защиты. Люди идут в ногу со временем, так и их желания, права и обязанности, интересы. Это и дает гарантии в реализации брачному договору, как диспозитивному урегулятору семейных проблем.

Ключевые слова: семья, супруги, брачный договор, имущество

Abstract

The aims of the work are features of legal regulation of the treaty regime of

marital property, identification of problems of legal regulation of realization of the marriage contract in practice. To conduct the study were used various scientific methods. They showed that in practice all increasingly faced with the use of the marriage contract in the regulation of family relations. It is designed to facilitate the settlement of property relations between spouses in case of divorce. The great popularity of the agreement today confirms a paradoxical situation: on the one hand the legislator is trying to protect the rights of citizens, but in reality it turns out that a prenuptial agreement cannot be expected to give this protection. We cannot say that the institution of marriage contract in Russia is justified.

Keywords: family, spouses, marriage contract, things

Семья и семейные отношения определяют состояние общества, его развитие, подготовленность новых членов общества к полноценной реализации прав и обязанностей человека и гражданина. Эта ячейка общества играет большую роль в жизни супругов. В семейной жизни за частую возникают конфликтные ситуации при разделе имущества, чтобы их разрешить быстрым путем, существует брачный договор. Брачно-семейные отношения тема злободневная. Семейное законодательство очень сложный правовой материал и многие отдельные взаимоотношения между супругами вообще сложно регламентировать с позиций закона, поэтому исследование такого института, как брачный договор является актуальной темой.

В большинстве развитых стран заключение брачного договора давно стало нормой, обеспечивающей цивилизованные отношения между супругами. В российском обществе договорное регулирование имущественных отношений супругов посредством брачного договора пока не получило столь широкого распространения. Вместе с тем нельзя недооценивать значимость брачного договора, который сегодня используется как инструмент защиты имущественных прав и интересов супругов. Использование правовой конструкции брачного договора позволяет обеспечить интересы граждан с разным имущественным положением, открыть супругам путь для более свободного распоряжения имуществом, нажитым до брака и в браке, а также защитить имущественные права при разводе.

Семейный кодекс РФ по вопросу брачного договора посвящает целую главу. Исходя из норм, определенных данным документом, супруги перед заключением брака или в период него могут заключить брачный договор [11, ст. 41]. Особенность брачного договора заключается не только в регулировании имущественных отношений супругов, но и содержание супругами друг друга за счет собственных средств, что подтверждает цель работы – исследование особенностей правового регулирования договорного режима имущества супругов, выявление проблем правового регулирования реализации брачного договора на практике, из которой вытекают задачи работы - знакомство с брачным договором, выявление проблем применения и пути совершенствования законодательного регулирования института брачного договор.

Для проведения исследования используются частнонаучные методы, т.е. такие приемы и способы решения научной задачи, которые присущи той или иной конкретной науке или группе наук, в частности комплексный анализ, системный подход и др.

Институт брачного договора в современной России недостаточно удобен и совершенен. Отсутствие четкого механизма правового регулирования порождает множество споров между юристами относительно толкования и применения тех или иных положений данной подотрасли права.

Одной из проблем является вопрос о субъектах. По Семейному кодексу сюда относятся лица, вступающие в брак или супруги. Многие юристы считают, что это относится к людям, подавшим заявление в ЗАГС, но закон не указывает, что данное соглашение должно сопровождаться брачной церемонией. Если договор заключается до брака, то это считается сделкой с отлагательным условием и вступает в силу он с момента заключения брака [5, с. 109].

Следующей проблемой можно назвать последствия прекращения брачного договора. Данный документ прекращает свое действие не только в случае развода, но в случае смерти одного из супругов [8, с. 203]. Если рассматривать брачный контракт, как регулятор имущественных отношений только на период брака или его расторжения, то передачу имущества умершего супруга по наследству можно производить так, как если бы супруги не изменили бы брачным договором законный режим. Подобное толкование противоречит цели и смыслу брачного договора.

В последние годы имеет место проблема о возможности ограничения имущественной ответственности супругов с помощью брачного договора.

Итак, по общему правилу, каждое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Если лицо состоит в браке, то специфика его гражданско-правовой ответственности обусловлена двойственным режимом принадлежащего ему имущества. Как известно, у супругов помимо общего имущества (ст. 34 СК РФ) есть еще и личное имущество (ст. 36 СК РФ).

Порядок обращения взыскания на имущество супругов определен в статье 45 СК РФ императивным образом, так что изменить его своим соглашением супруги не вправе. Поэтому попытки включить в брачный договор условие «супруги отвечают по своим обязательствам только в пределах принадлежащего им имущества» носят скорее декларативный характер, нежели правовой. Если речь идет о личных обязательствах супруга, он и так будет отвечать только принадлежащим ему имуществом и долей в общем имуществе. А если судом будет установлено, что речь идет об общем обязательстве супругов, то, несмотря на наличие в брачном договоре условий, ограничивающих ответственность супругов, отвечать они будут по нормам СК РФ [4, с. 124].

Как выяснилось на практике, супруги пытаются использовать брачный договор с целью прекратить режим общей собственности на нажитое в период брака имущество, «вывести» его из имущественной массы, на

которую будет обращать взыскание кредитор.

Уже отмечалось ранее, что законодатель изначально видел брачный договор инструментом регулирования всего комплекса имущественных отношений между супругами, в том числе отношений, связанных с имуществом, которое будет приобретено в будущем. Таким образом, брачный договор виделся как договор, носящий перспективный характер, направленный на регулирование отношений супругов не только в настоящем, но и в будущем. В подобной ситуации законодатель полагал справедливым поставить кредиторов в известность о наличии у супругов такого договора, дабы кредиторы, принимая решение о вступлении в договорные отношения с одним из супругов, знали о его имущественном положении.

Рассмотрим, вопрос о соотношении брачного договора и соглашения о разделе имущества в ситуации, когда супруги хотят прекратить режим общей совместной собственности. Какой же договорной конструкцией целесообразней воспользоваться?

При выборе адекватной договорной формы прекращения режима совместной собственности необходимо учитывать следующее: только для брачного договора предусмотрено такое особое основание признания его недействительным, как постановка одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [7, с. 202].

Поэтому брачный договор, предусматривающий отказ одного из супругов от всего нажитого в браке имущества, заведомо становится завидной мишенью для оспаривания. В то время как в отношении соглашения о разделе имущества законодатель такого правила не предусмотрел.

Рассмотрев проблемы реализации и применения брачного договора в РФ, чаще замечаем, что мы сталкиваемся с использованием брачного договора при регулировании семейных отношений довольно часто. За последнее время этот институт приобрел большую популярность, хотя еще несколько лет назад данный документ воспринимался враждебно со стороны молодых. Юристы говорят о наплыве граждан, желающих установить договорный режим имущества [5, с. 209]. Желание граждан заключать договоры растет, что подтверждает опрос населения проводимое ВЦИОМ за 2015 год в России (рис.1).

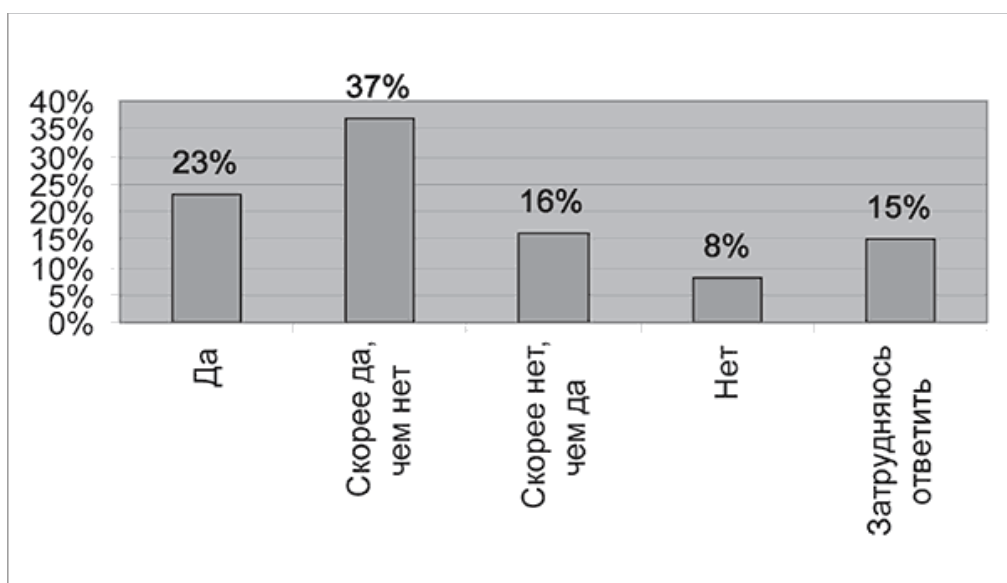

Рисунок 1. Опрос населения « Нужен ли брачный договор»

В соответствии с гражданским законодательством сделка действительна при соблюдении следующих условий: а) содержание сделки законно; б) участники сделки обладают дееспособностью, необходимой для совершения данного вида сделки; в) волеизъявление участников сделки соответствует их действительной воле; г) в случаях, прямо предусмотренных законом, должна быть соблюдена установленная форма сделки[10, с. 43].

Итак, можно предложить следующие примерные варианты правового содержания брачного договора:

- может быть определено имущество, которое каждый из супругов передает для совместного использования в семье. Это даст возможность возвратить это имущество его владельцу в случае развода;

- стороны могут договориться о порядке раздела имущества в случае расторжения брака. Тут следует помнить о приведенном выше ограничении: такой раздел имущества не должен ставить одного из супругов в крайне невыгодное материальное положение;

- стороны могут определить долю каждого из супругов в принадлежащем им имуществе;

- стороны могут включить в договор любые другие условия о правовом режиме имущества, если они не противоречат моральным основам общества;

- супруги могут определить порядок несения семейных расходов, количество денег, которые каждый из них вносит в семейный бюджет;

- супруги могут определить размеры и порядок несения расходов на содержание детей, престарелых родителей и т.п.;

- в случае расторжения брака супруги могут предусмотреть выселение из жилого помещения того из супругов, который вселился в него, с денежной компенсацией или без таковой;

- стороны могут договориться о долевом участии в прибыли одного из супругов (например, можно предусмотреть, что супруг обязан отдавать

супруге 30% от своего дохода, а в случае развода ежемесячно выплачивать 10% от доходов). Можно предусматривать также фиксированные денежные суммы для этих выплат – однако при этом следует помнить, что материальное положение супругов может меняться, а нормы договора продолжат действовать и их придется выполнять;

- стороны могут предусмотреть, что подарки, сделанные в браке (драгоценности, дорогая одежда и т.д.), в случае развода останутся у того из супругов, кому их подарили;

- стороны могут предусмотреть, что в случае развода, жене (мужу) отходит часть – 10%, 20%, 30% и так далее – бизнеса мужа (жены) в виде корпоративных прав (в т.ч. акций), или денежную компенсацию в фиксированной сумме и многое другое [3, с. 223].

На западе история брачного договора насчитывает около 500 лет. Сейчас этот документ может включать в себя иногда абсурдные для нашего сознания пункты, но важно не это. Не так важны положения, о которых договорились стороны, сколько то, как это потом будет действовать на практике. Важно помнить, что брачный договор – это разновидность двусторонней сделки, а значит, имущественные права и обязанности супругов, установленные брачным договором, возникают при соблюдении определенных условий действительности сделки.

Библиографический список:

1. Альбикив И.Р. Брачный договор: актуальные вопросы заключения договора // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения): Сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Саратов, 3-4 июня 2010 г.). – Саратов: ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. – С. 196-197.

2. Ананичев А.М., Фаткутдинов З.М. Брачный договор в России и за рубежом // Юридические науки. – М.: Спутник плюс, 2012. № 3 (55). – С. 29-33.

3. Антокольская М.В. Семейное право. – М.: Учебник 3-е издание, 2010. С. 222-224.

4. Брачный договор: режимы имущества супругов, условия брачного договора, расторжение брака и раздел имущества, изменение брачного договора и признание его недействительным: специальное изд. / В. Р. Дворецкий. – Москва: ГроссМедиа, 2006 (Саратов: Полиграфист). С. 123-127.

5. Владимиров И.А., Фандрова О.И. Брачный договор в России: сущность и проблемы применения // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы международной заочной научной конференции (г. Пермь, март 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. С. 109-110.

6. Городисская Е.Ю. Особенности правового регулирования брачного договора // Закон. – М.: Закон, 2010. № 1. – С. 44- 48.

7. Губарец Е.В. Особенности правовой природы брачного договора по российскому законодательству // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: Материалы международной научно-

практической конференции. Челябинск, 15 декабря 2011 г. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 200-205.

8. Иванова Н.А. Правовые проблемы изменения и расторжения брачного договора // XIV Державинские чтения. Институт права. Материалы общероссийской научной конференции. Февраль 2009 г. – Тамбов: Издат. дом ТГУ, 2009. – С. 201-205.

9. Каневская Д.А., Смолина Л.А. Сравнительный анализ брачного договора в России и Испании // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: Материалы международной научно-практической конференции. Челябинск, 15 декабря 2011 г. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 26-30.

10. Краснова Т.В. Содержание брачного договора // Гражданское право, 2005. № 3. С. 41-44.

11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2016. N 1. Ст. 77.

УДК 347.63

Краснова Т.В. Проблемы правового регулирования имущественных отношений родителей и детей

Problems of legal regulation of property relations parents and children

Краснова Татьяна Владимировна
Тюменский государственный университет, г. Тюмень
krasnova-tv@yandex.ru

Krasnova Tatiana Vladimirovna
Tyumen state University, Tyumen

Аннотация:

Целью настоящей статьи является исследование проблем правового регулирования основных видов имущественных отношений родителей и детей. В статье использованы общенаучные (анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частно-научные методы исследования (формально-юридический, технико-юридический). Результатом исследования являются обобщения проблемных аспектов темы и определение направлений дальнейших научных исследований.

Abstract:

the Purpose of this article is the study of problems of legal regulation of the main types of property relations of parents and children. The paper used General scientific (analysis and synthesis, abstraction and specification) and private-scientific methods of research (formal-legal, technical-legal). Results of the

research are generalizations of the problematic aspects of the topic and identify areas for further research.

Ключевые слова: родительские обязанности, права детей, имущественные отношения.

Keywords: parenting, children's rights, and property relations.

В условиях современных правовых и экономических реалий актуализируются вопросы реализации имущественных прав детей как категории людей, нуждающихся в дополнительной правовой защите. Меняются подходы к исследованию имущественных прав ребенка: им придается не меньшее значение, чем правам ребенка на получение воспитания. Тем самым говорить о вторичном характере имущественных отношений субъектов семейных отношений, в том числе родительских, на сегодняшний день не представляется правильным. В этой связи возникает потребность в научных исследованиях проблем правового регулирования имущественных отношений родителей и детей в новом ракурсе с целью положительного влияния на практику создания и применения юридических норм.

В научной литературе существуют различные подходы к определению содержания имущественных отношений родителей и детей. Так, И.В. Жилинкова применяет к ним концепцию правовых режимов членов семьи, рассматривая правовые режимы общего и раздельного имущества родителей и детей [1, с. 263]. Целью настоящей работы является анализ актуальных практических и научных проблем правового регулирования имущественных отношений родителей и детей без участия в дискуссии об оптимальных способах классификации исследуемых отношений, в рамках подходов, получивших наибольшее распространение в современной семейно-правовой литературе. Имущественные права ребенка чаще всего обобщают в две категории: право ребенка на получение содержания и право ребенка на управление имуществом, находящимся в его собственности. Соответственно, анализу будут подвергнуты отношения, в которых названные права реализуются. Так, обязанность по уплате алиментов несовершеннолетним детям несут и совершеннолетние, и несовершеннолетние родители. Не имеет значения наличие у них трудоспособности, дееспособности и уровень обеспеченности. Содержание ребенка осуществляется за счет заработка (иных доходов) родителей, которые самостоятельно определяют необходимые пределы расходов на питание, одежду, образование и другие потребности ребенка. Порядок и форма содержания определяются родителями по своему усмотрению, исходя из интересов детей. В этих целях родителями может быть заключено алиментное соглашение. Несовершеннолетние дети в возрасте от 14 до 18 лет заключают соглашения об уплате алиментов со своими родителями самостоятельно с согласия законных представителей (ст. 26 ГК РФ). В случае отсутствия предоставления содержания со стороны родителей, необходимые средства могут быть взысканы в судебном порядке

(ст. ст.80 – 83 СК РФ). При невозможности получения ребенком содержания от своих родителей он может получать алименты от других членов семьи – совершеннолетних братьев и сестер, бабушки, дедушки (ст. ст. 93, 94 СК РФ). Размер алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей, установлен в ст. 81 СК РФ: алименты взыскиваются ежемесячно в размере: на одного ребенка - одной четверти, на двух детей - одной трети, на трех и более детей - половины заработка и (или) иного дохода родителей. При определении соответствующих видов заработков или доходов следует руководствоваться Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 1996 г. № 841 «О перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей» [2]. Размер этих долей может быть уменьшен или увеличен судом с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Размер алиментов на несовершеннолетних детей может быть установлен и в твердой денежной сумме, а также одновременно в долях и твердой денежной сумме (ст. 83 СК РФ): если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход; если родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте; если у него отсутствует заработок и (или) иной доход; в других случаях, если взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон; если при каждом из родителей остаются дети, при этом алименты взыскиваются с одного из родителей в пользу другого, менее обеспеченного. Ранее размер твердой денежной суммы определялся судом, как правило, в привязке к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ). На протяжении длительного периода времени складывалась противоречивая правоприменительная практика. Суды при определении размера алиментов в твердой денежной сумме ориентировались на ст. 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» [3], а судебные приставы-исполнители правомерно применяли МРОТ исходя из базовой суммы, равной 100 руб. и не меняющейся с 1 января 2001 г. Верховный Суд РФ в 2006 г. дал разъяснения об исчислении размера алиментов в МРОТ с применением положений ч. 1 ст. 5 указанного Федерального закона, посчитав, что такой подход поможет защитить интересы несовершеннолетних детей и нетрудоспособных членов семьи [4]. По мнению ученых, позиция Верховного Суда РФ расходится с мнением законодателя. Так, например, Т.В. Шершень считает, что согласно ст. 3 указанного Федерального закона минимальный размер оплаты труда по ст. 1 применяется только для регулирования оплаты труда и определения размера пособий по временной нетрудоспособности и, как следствие, для других целей использоваться не может [5, с. 305].

Федеральным законом от 30 ноября 2011 года № 363-ФЗ в ст. 117 СК РФ было внесено важное изменение. Установлено, что размер алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, в целях их

индексации устанавливается судом кратным величине прожиточного минимума, размер алиментов может быть установлен в виде доли величины прожиточного минимума.

Анализ правоприменительной практики показал принципиальный характер данного положения - судебные решения, устанавливающие иной способ исчисления размера алиментов в твердой денежной сумме, признаются не соответствующими закону. Так, например, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Чувашской республики было признано подлежащим изменению решение суда первой инстанции, поскольку суд неправильно применил нормы материального права, не привязав размер алиментов к величине прожиточного минимума. Как следует из материалов дела, в связи с тем, что ответчик не имеет постоянного заработка, истица просила взыскать алименты на содержание двоих несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме по 5500 рублей в месяц на каждого ребенка. Ответчик М.Н. просил определить минимальный размер алиментов, ссылаясь на то, что не имеет постоянного места работы и вынужден выезжать на заработки в другой город.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу, что алименты на содержание детей с ответчика должны взыскиваться в твердой денежной сумме ввиду отсутствия у ответчика постоянного заработка, выездов на заработки. Однако суд первой инстанции применил положения [ч. 2 ст. 117 СК РФ](#) в старой недействующей редакции, определив размер алиментов в твердой денежной сумме в размере 40 минимальных размеров оплаты труда по 4000 руб. на каждого ребенка, с последующей индексацией пропорционально увеличению установленного законом МРОТ до совершеннолетия детей [6].

Подчеркнем, что дискуссия, суть которой изложена выше, не утратила своей актуальности в отношении алиментов, уплачиваемых по соглашению. Поскольку никаких законодательных изменений институт алиментного соглашения не претерпел и стороны по-прежнему могут договориться об алиментах в размере кратном минимальной оплате труда. При этом следует предусматривать способ индексации, чтобы избежать при ее осуществлении в дальнейшем противоречий со ст. 117 СК РФ.

Обзоры правоприменительной практики позволяют сделать вывод о том, что до настоящего времени сохраняется проблема, связанная с выплатой алиментов на несовершеннолетних детей родителем, проживающим отдельно от детей. Такие родители зачастую предоставляют содержание своим детям нерегулярно или не в достаточном размере либо вовсе отказываются от предоставления содержания в добровольном порядке.

В Национальной [стратегии](#) действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761, обращено внимание на необходимость разработки мер по обеспечению регулярности выплат алиментов, достаточных для содержания детей, что позволит сократить долю детей, не получающих алименты в полном объеме [7].

Обязанность надлежащего управления принадлежащей ребенку собственностью также возложена на родителей с учетом объема их гражданской дееспособности. В п.4 ст. 60 СК РФ подчеркнуто, что ребенок не имеет права собственности на имущество родителя, родители не имеют права собственности на имущество ребенка. Дети и родители, проживающие совместно, могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию.

При осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении опекунов (попечителей) и касающиеся распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 ГК РФ, гл. 4 Федерального закона «Об опеке и попечительстве») (п. 3 ст. 60 СК РФ).

В научной литературе обсуждается вопрос, насколько это соответствует положению Конвенции о том, что государства - участники Конвенции обязались признавать и уважать права и обязанности родителей, несущих по закону ответственность за ребенка, должным образом управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных данной Конвенцией прав (ст. 5 Конвенции). Так, по мнению ЛБ. Максимович, при избрании данного охранительного механизма законодателем не учтено важное обстоятельство: в отличие от подопечного, материальное положение которого никоим образом не зависит от материального положения опекуна (попечителя), материальное положение «родительского» ребенка, как правило, производно от материального положения его родителей. Примером того, насколько неудачно решение законодателя распространить на родителей требования, установленные в отношении опекунов (попечителей), является п. 3 ст. 37 ГК РФ, согласно которому опекуну, попечителю, их супругам и близким родственникам запрещено совершать сделки с подопечным, а также представлять подопечного при заключении сделок или ведении судебных дел между подопечным и супругом опекуна (попечителя) и их близкими родственниками. Тем самым, закон запрещает родителям ребенка, а также его бабушке и дедушке не только совершать сделки с ребенком, но и представлять его интересы при разрешении судом внутрисемейных споров [8, с. 183].

Особо следует выделить такое имущественное право малолетнего, как право пользования жилым помещением. Один из проблемных вопросов его правового регулирования заключается в новой редакции п. 4 ст. 292 ГК РФ.

Рассматриваемая редакция, определяя права членов семьи собственников жилого помещения, устанавливает, что отчуждение жилого помещения, в котором проживают находящиеся под опекой члены семьи собственника данного жилого помещения либо оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника (о чем известно органу опеки и попечительства), если при этом затрагиваются права или охраняемые законом интересы указанных лиц, допускается с согласия органа опеки и попечительства. Следует обратить внимание, что данная норма сформулирована так, что исключает применение ее в отношении

несовершеннолетних детей собственника жилого помещения, если, во-первых, они не остались без родительского попечения и, во-вторых, об этом неизвестно органу опеки и попечительства [9]. Между тем существующее толкование данной нормы нельзя назвать однозначным, и при ее применении необходимо оценивать конкретные обстоятельства. Такой вывод вытекает из положений, изложенных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П [10].

Так, при отчуждении жилого помещения, в котором проживает несовершеннолетний, согласия органа опеки и попечительства по общему правилу не требуется, поскольку предполагается, что несовершеннолетний находится на попечении родителей и это не опровергнуто имеющейся у органа опеки и попечительства информацией об отсутствии попечения со стороны родителей. Тем самым правовое регулирование осуществляется, исходя из предполагаемой добросовестности родителей по отношению к детям и обусловленного этим ограничения соответствующих правомочий органа опеки и попечительства по участию в решении данного вопроса.

Однако Конституционный Суд РФ признал не соответствующей Конституции РФ норму п. 4 ст. 292 ГК РФ в той части, в которой она, по смыслу, придаваемому ей сложившейся правоприменительной практикой, - не позволяет при разрешении конкретных дел, связанных с отчуждением жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние, обеспечивать эффективную государственную, в том числе судебную, защиту прав тех из них, кто формально не отнесен к находящимся под опекой или попечительством или к оставшимся (по данным органа опеки и попечительства на момент совершения сделки) без родительского попечения. При этом он фактически лишен его на момент совершения сделки по отчуждению жилого помещения, либо считается находящимся на попечении родителей, с учетом того, что такая сделка - вопреки установленным законом обязанностям родителей - нарушает права и охраняемые законом интересы несовершеннолетнего. В частности, родители при отчуждении принадлежащего им на праве собственности жилого помещения не вправе произвольно и необоснованно ухудшать жилищные условия проживающих совместно с ними несовершеннолетних детей, и во всяком случае их действия не должны приводить к лишению детей жилища.

Обобщения, произведенные в рамках настоящего исследования, позволяют сформулировать итоговый вывод о необходимости комплексных научных исследований в намеченных автором направлениях.

Библиографический список

1. Жилинкова И.В. Правовой режим имущества членов семьи. Харьков, 2000. - 398 с.
2. Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 31. - Ст. 3743.
3. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда»: по сост. на 14 декабря 2015 г. // Собрание законодательства РФ. - 2000. - № 26. - Ст. 2729.

4. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2006 г. // СПС КонсультантПлюс.

5. Шершень Т.В. О праве ребенка на содержание в современной России // Семейное право на рубеже XX-XI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / Отв. ред. О.Н. Низамиева. - М.: Статут, 2011. - С. 303-307.

6. Обзор судебной практики по гражданским делам за четвертый квартал 2013 года Верховного суда Чувашской Республики // СПС КонсультантПлюс.

7. Обзор судебной практики Президиума Верховного Суда РФ по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 7. - 2015.

8. Максимович Л.Б. Механизм охраны имущественных прав детей: Конвенция о правах ребенка и российское законодательство // Семейное право на рубеже XX-XI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / Отв. ред. О.Н. Низамиева. - М.: Статут, 2011. - С. 183-187.

9. Серкова Ю.А. Представительство от имени малолетних в имущественных отношениях // Семейное право на рубеже XX-XI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / Отв. ред. О.Н. Низамиева. - М.: Статут, 2011. - С. 259-264.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» // Собрание законодательства РФ. - 21.06.2010. - № 25. Ст. 3246.

Секция 2. Страхование, медицинское, образовательное право и нотариат

УДК 342.733

Кирилловых А.А. Принципы государственной политики в сфере образования и конституционные гарантии прав граждан

Principles of state policy in the sphere of education and the constitutional
guarantees of citizens ' rights

Кирилловых Андрей Александрович
Вятский государственный университет, г. Киров
kirillovykh2014@yandex.ru

Andrey A. Kirillovyh
Vyatka State University, Kirov

Аннотация

В предлагаемой читателю статье представляется правовой содержательный анализ принципов государственной политики в сфере образования, касающихся непосредственного обеспечения гарантий прав граждан на образование.

Ключевые слова: принцип, политика, образование, гражданин, гуманизм, дискриминация, светскость, демократизм, конкуренция.

Abstract

In the proposed article introduces the reader to the legal informative analysis of the principles of the State policy in the sphere of education, relating directly to guarantee citizens ' rights to education.

Keywords: principle, policy, education, citizen, humanism, discrimination, secularism, democracy, competition.

Значение принципов в государственном управлении в настоящее время трудно переоценить. Неслучайно, в этих целях согласно постановлению Правительства РФ от 29.06.2015 г. № 645[1] Федеральном Собранием РФ ежегодно заслушивается разработанный и представленный Правительством РФ доклад о реализации государственной политики в сфере образования.

Как представляется, данное требование прямо направлено на обеспечение открытости и доступности информации о системе образования,

что в еще большей степени позволяет гарантировать справедливую и полноценную реализацию права каждого российского гражданина на полноценное и качественное образование. В эпоху современного информационного общества населению особо важно принимать участие в организационно-управленческих процессах, протекающих в обществе.

В то же время, как отмечают отдельные специалисты, действующая редакция Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон № 273-ФЗ) [2] не содержит указания на необходимость использования программно-целевого метода при практической реализации его положений, в ст. 3 не закреплены требующиеся для этих целей организационные основы. Действующие целевые программы в области образования не имеют единых общесистемных задач и не в полной мере подкреплены положениями этого нормативного акта и частично не согласуются с принципами государственной политики в этой сфере [3, с. 12-18].

Представляется необходимым обратиться к общему понятию «принцип государственной политики». В соответствии с определением толкового словаря русского языка принцип – это основные исходные положения какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, а также основная особенность в устройстве чего-либо [4]. То есть принцип – это одно из наиболее общих понятий науки, и это понятие обозначает не все, а лишь некоторые сведения, совокупность каких-либо данных, знаний. Принципы права представляют собой руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе [5, с. 462]. Под управленческими принципами в политико-социологической литературе понимают базирующиеся на знании законов функционирования и развития общества основополагающие правила деятельности органов, институтов и людей по управлению общественными процессами [6, с.71].

Таким образом, под принципами государственной политики в сфере образования можно понимать основополагающие, базовые правила и нормы деятельности органов государства общей и специальной компетенции, а также различных публично-правовых институтов и учреждений по управлению системой образования на территории РФ и ее развитию в рамках действующего специализированного законодательства.

Всего ч. 1 ст. 3 Закона № 273-ФЗ называет двенадцать принципов, на которых должна базироваться государственная политика в сфере образования.

На наш взгляд представляется необходимым дать краткую характеристику отдельным принципам, отражающим основные гарантии права граждан на образование.

Обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования. Следует отметить, что данный принцип предполагает две составляющие:

1) во-первых, признание права каждого на образование. Обращается внимание на тот факт, что право на образование – это конституционное

право, предусмотренное ст. 43 Конституции РФ 1993 г. [7], при этом оно обеспечивается не только конституционно-правовыми гарантиями, но и гарантиями международного права. Конституционно-правовые нормы и нормы Закона № 273-ФЗ в настоящее время полностью совпадают по своему содержанию с правилами и принципами, закрепленными в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, во Всеобщей декларации прав человека, в Конвенции о правах ребенка, а также в Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования. Так, ст. 26 Всеобщей декларации прав человека закрепила обязательность, общедоступность, бесплатность начального образования, обозначив цель образования в мировом масштабе: «Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между народами, расовыми и религиозными группами» [8], примерно аналогичные положения закреплены и в иных названных документах международного характера.

Кроме того, принцип непосредственно связан с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), который в образовательном праве трансформируется в требование равноправия при получении образования – право на образование принадлежит каждому (ст. 43 Конституции РФ). От этого требования произведен, в частности, запрет устанавливать льготы индивидуального характера для участников образовательных правоотношений.

2) во-вторых, установление особого запрета на дискриминацию в сфере образования. В данной части рассматриваемый принцип базируется в первую очередь на нормах международного уровня, в частности, речь идет о положениях Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, которая была заключена в Париже 14.12.1960 г. в рамках ЮНЕСКО. Так, с точки зрения норм современного международного права, выражение «дискриминация» охватывает всякое различие, исключение, ограничение или предпочтение по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического положения или рождения, которое имеет целью или следствием уничтожение или нарушение равенства отношения в области образования.

Гуманистический характер образования. В качестве составной части данного принципа законодателем названы: приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования.

Особо содержание данного принципа раскрывается в рамках обозначения основных целей и задач развития системы образования Российской Федерации, провозглашенных (поставленных) в Национальной доктрине образования в Российской Федерации. В частности, данный

документ предусматривает, что система образования призвана в том числе обеспечить:

историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России;

воспитание патриотов России, граждан правового, демократического государства, способных к социализации в условиях гражданского общества, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов;

формирование культуры мира и межличностных отношений;

разностороннее и своевременное развитие детей и молодежи, их творческих способностей, формирование навыков самообразования, самореализацию личности;

формирование у детей и молодежи целостного миропонимания и современного научного мировоззрения, развитие культуры межэтнических отношений;

формирование у детей, молодежи, других категорий граждан трудовой мотивации, активной жизненной и профессиональной позиции, обучение основным принципам построения профессиональной карьеры и навыкам поведения на рынке труда;

подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий;

воспитание здорового образа жизни, развитие детского и юношеского спорта;

противодействие негативным социальным процессам;

экологическое воспитание, формирующее бережное отношение населения к природе.

Как полагает Д.И. Ережипалиев, указанный принцип реализован в разработанных образовательных стандартах и программах обучения школьников [9, с. 37-45]. В федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования включено изучение Основ безопасности жизнедеятельности, ориентированных на формирование установки на здоровый образ жизни, исключающий употребление алкоголя, наркотиков, курения и нанесение иного вреда здоровью. Программа воспитания и социализации обучающихся на ступени основного общего образования должна обеспечить формирование их готовности к социальному взаимодействию по вопросам профилактики употребления наркотиков и других психоактивных веществ. Таковы также по мнению С.А. Васильева, С.С. Зенина, основополагающие начала формирования антикоррупционного мировоззрения всех обучающихся, включая студентов [10, с. 15-18].

Таким образом, очевидно, что планомерная реализация данного принципа позволит обеспечить достижение главной цели государственной

программы развития образования, а именно развитие системы образования в интересах формирования гармонично развитой, социально активной, творческой личности и в качестве одного из факторов экономического и социального прогресса общества на основе провозглашенного Российской Федерацией приоритета образования.

Светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность. В данном случае мы рассматриваем принцип, направленный на закрепление и развитие конституционно-правовой нормы ст. 14 Конституции РФ, закрепляющей постулат о том, что Россия является светским государством и никакая религия не может быть установлена в качестве государственной или обязательной.

Закрепление светского характера образования имеет место также в ряде подзаконных актов. В частности, на светскость образования указывалось в Типовом положении об общеобразовательном учреждении (утв. Постановлением Правительства РФ от 19.03.2001 г. № 196) [11], где отдельно оговаривалось, что «деятельность общеобразовательного учреждения основывается на принципах демократии, гуманизма, общедоступности, приоритета общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, гражданственности, свободного развития личности, автономности и светского характера образования».

На фоне данного принципа некоторые исследователи отмечают спорность введения в образовательное законодательство, в частности, нормы ст. 87 Закона № 273-ФЗ, устанавливающей возможность введения обязательного преподавания основ религии и нравственности в образовательных учреждениях различного уровня. Как отмечается в литературе, норма ст. 87 Закона № 273-ФЗ представляет собой «очевидный предмет жалобы в Конституционный Суд РФ на предмет ее соответствия конституционным принципам светского государства и праву граждан на свободу совести» [12]. Представляется, что разумная и рациональная реализация данной нормы позволит в большей степени гарантировать реализацию принципа направленности государственной политики в сфере образования на защиту и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства [13].

Свобода выбора получения образования как принцип подразумевает под собой, что образование должно быть организовано с обязательным учетом склонностей и потребностей каждого человека. Для этого предполагается необходимость создания условий для самореализации каждого человека, а также для свободного развития его способностей.

Данный принцип конкретизирован в нормах, устанавливающих правовые статусы родителей (законных представителей) и обучающихся, неотъемлемыми элементами которых провозглашены право родителя на выбор до завершения получения ребенком основного общего образования с учетом мнения ребенка и рекомендаций психолого-медико-педагогической

комиссии (при их наличии) формы получения образования и формы обучения и право обучающегося на выбор организации, осуществляющей образовательную деятельность, формы получения образования и формы обучения после получения основного общего образования или после достижения совершеннолетия [14, с. 27-36].

По мысли законодателя, обеспечение свободы выбора получения образования обеспечивается в первую очередь за счет следующих средств и способов:

1) во-первых, каждый обучающийся вправе осуществлять выбор форм получения образования. Так, в соответствии с положениями ст. 17 Закона № 273-ФЗ образование может быть получено:

в организациях, осуществляющих образовательную деятельность;
вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в форме семейного образования и самообразования;

2) во-вторых, каждый обучающийся (его законный представитель) вправе осуществить выбор организации, осуществляющей образовательную деятельность;

3) в-третьих, обучающиеся также обладают правом выбора направленности образования в пределах, предоставленных системой образования.

4) в-четвертых, каждый имеет право в процессе получения образования выбрать подходящую ему форму обучения.

Помимо прочего, свобода выбора получения образования также предполагает предоставление педагогическим работникам свободы в выборе форм обучения, методов обучения и воспитания. Учебный процесс – это единство содержания, приемов, методов и других организованных форм обучения.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 29.06.2015 г. № 645 «О подготовке и представлении Федеральному Собранию Российской Федерации ежегодного доклада Правительства Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования» // СЗ РФ. – 2015. – № 27. – Ст. 4077

2. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598

3. Кочерга С.А. Государственная политика в сфере образования // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 6.

4. Принцип // Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov.slovaronline.com>; URL: <http://ozhegov.slovaronline.com/%D0%9F/%D0%9F%D0%A0/26568-PRINTSIP>

5. Теория государства и права / Отв. ред. д.ю.н., проф. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2006.

6. Государственная политика и управление: Учебник: В 2 ч. / Л.В. Сморгун, А.П. Альгин, И.Н. Барыгин и др.; под ред. Л.В. Сморгунова. М.:

РОССПЭН, 2006. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: РОССПЭН, 2006.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. – 1995. – № 67. – 05 апреля

9. Ережипалиев Д.И. Профилактика потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов среди несовершеннолетних // Адвокат. – 2015. – № 6.

10. Васильев С.А., Зенин С.С. Способы реализации воспитательного процесса по формированию антикоррупционного мировоззрения у студентов // Юридическое образование и наука. – 2015. – № 2.

11. Постановление Правительства РФ от 19.03.2001 г. № 196 «Об утверждении Типового положения об общеобразовательном учреждении» // СЗ РФ. – 2001. – № 13. – Ст. 1252.

12. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) / Н.С. Волкова и др. М.: Деловой двор, 2013.

13. Ласкина Н.В., Новикова Н.А., Лежнева Н.С., Тимофеева Н.Ю., Слесарев С.А., Вахрушева Ю.Н. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2014.

14. Цомартова Ф.В., Качмазова Л.Г. Получение образования вне образовательных организаций: правовые перспективы // Журнал российского права. – 2014. – № 2.

Секция 3. Уголовное право

УДК 343.431

Хозяйкина Н.Е. Ответственность за торговлю людьми участников международных преступных сообществ

Responsibility for human trafficking participants in international criminal community

Хозяйкина Нина Евгеньевна
Хабаровский государственный университет
экономики и права, г.Хабаровск
Alex_Ist27@mail.ru

Khozjajkina Nina Evgenievna
Khabarovsk State University of
Economics and Law, Khabarovsk

Аннотация

Цель представленной работы заключается в выявлении недостатков и разработке рекомендаций по совершенствованию норм уголовного законодательства Российской Федерации, регулирующих ответственность за торговлю людьми лиц, входящих в международные организованные преступные группы торговцев «живым товаром». Методологической основой данного исследования является диалектический метод познания. В ходе проведенного исследования были использованы общенаучные и специальные методы познания, в частности системный анализ норм об ответственности за торговлю людьми, предусмотренной в России, США, странах Европы; логические методы, сравнительно-правовой метод познания. В работе выявлен основной недостаток изученной правовой нормы, предложено введение особо квалифицированного состава в ст. 127.1 УК РФ, предусматривающего ответственность за торговлю людьми, совершенную в составе международной организованной группы.

Ключевые слова: торговля людьми, ответственность за торговлю людьми, международные преступные группы.

Abstract

The aim of the present work is to identify weaknesses and develop recommendations for improving the standards of the Russian Federation Criminal law governing liability for trafficking of persons belonging to international organized criminal groups of traders " human beings ." The methodological basis of this study is the dialectical method of cognition.

In the course of the study were used general scientific and special methods

of cognition, in particular systematic analysis of the rules on liability for trafficking in persons referred to in Russia, USA, Europe; logical methods, comparative legal method of cognition.

The paper identified the main drawback of the study of legal norms, it is proposed the introduction of specially trained staff , providing for liability for trafficking in human beings , perfect as a part of international organized group .

Keywords: human trafficking, responsibility for human trafficking, international crime groups.

Незаконная миграция, увеличение разрыва между бедными и богатыми странами, глобальная реструктуризация экономики, экономические проблемы внутри стран, безработица, с одной стороны, а с другой, – демографические проблемы и растущий спрос на труд в сфере услуг и индустрии развлечений, а также распространение транснациональной организованной преступности, прогресс в области информационных технологий и развитие транспорта – все эти мировые процессы привели к тому, что такое явление, как торговля людьми, приобрело значительные масштабы.

Торговля людьми превратилось в глобальную проблему, существующую во всех странах мира, а прибыль от торговли людьми приносит преступным синдикатам миллиарды долларов ежегодно. От 2-х до 4-х миллионов человек в мире являются жертвами торговли людьми; в частности, в России ежедневно сотни людей попадают в ситуации рабства и торговли людьми.

Вопросы ответственности за торговлю людьми в современной России являются крайне актуальными. Оживление международных связей России со странами остального мира привело не только к положительным результатам, но и к широкому включению ее граждан в деятельность межнациональных преступных групп, занимающихся торговлей людьми на профессиональной основе. Существенному увеличению объемов торговли людьми способствуют высокий уровень безработицы и низкий уровень жизни большей части населения России. Нередки случаи, когда потерпевшие осознают то, что они являются живым товаром, однако, крайняя нужда заставляет их смириться со своей участью в надежде заработать хоть какие-то денежные средства. В этом смысле полное искоренение или хотя бы уменьшение объемов такого явления, как торговля людьми, не может быть достигнуто исключительно уголовно-правовыми методами и требует существенного увеличения социального благополучия населения России.

В декабре 2000 года на 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция против транснациональной преступности [1] и дополняющий её Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Палермский Протокол) [2], в котором было дано наиболее согласованное международное определение торговли людьми. Согласно Палермскому Протоколу торговля

людьми означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей, путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо.

Россия ратифицировала Палермский Протокол 26 апреля 2004г. (далее Протокол), взяв на себя тем самым ряд обязательств по борьбе с торговлей людьми именно в таком определении, которое дано в Протоколе.

В 2003 году впервые в российское уголовное право были введены понятия «рабский труд», «торговля людьми», «эксплуатация», «изъятие у потерпевшего органов или тканей». В сравнении с обсуждавшимся законопроектом несколько изменилась (в сторону ужесточения) система санкций – в частности, не предусмотрены штрафы.

Норма об ответственности за торговлю людьми неоднократно подвергалась модернизации, однако, признать ее полностью соответствующей международно-правовым представлениям о сущности данного преступления на сегодняшний день все еще не представляется возможным.

В настоящее время существует серьезный пробел в отечественном законодательстве, связанный с торговлей людьми, который имеет не маловажное значение при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми, и носящих международный характер. На сегодняшний день становится неоспоримым факт преобладания в сфере торговли «живым товаром» транснациональных преступных групп, преступная деятельность которых требует адекватной квалификации по законодательству РФ при расследовании преступлений, связанных с выявлением участия указанных преступных групп. Однако сегодня в Уголовном кодексе РФ отсутствует норма, которая позволяла бы привлекать к уголовной ответственности лиц – участников международных преступных групп, деятельность которых направлена на осуществление торговли людьми.

В 2010 г была принята Международная платформа в целях выполнения ратифицированного РФ Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми.

Указанная Платформа действий представляет собой инструмент технического сотрудничества, который призван быть подспорьем государствам – членам Организации Объединенных Наций в деле эффективного выполнения Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее (Протокол ООН о торговле людьми), дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (КТОП ООН).

Платформа базируется на целях Протокола Организации Объединенных Наций о торговле людьми и его положениях, которые соответствуют трем признанным на международном уровне темам:

предупреждение, защита и преследование, а также задачам национального и международного сотрудничества и координации. В ней рекомендуются оперативные меры по каждому положению Протокола.

Среди пяти основных направлений, необходимых для обеспечения эффективного и всеобъемлющего ответа на проблему торговли людьми, в Платформе действий указано «сотрудничество и координация на международном уровне».

Международная правовая помощь при расследовании преступлений, связанных с осуществлением преступной деятельности международными преступными организациями, активно оказывается государствами-членами Протокола ООН. Так, в 2009-2011 гг. в г.Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края в производстве следственного отдела по г.Комсомольск-на-Амуре СУ СК России по Хабаровскому краю находилось уголовное дело по факту торговли людьми. В ходе предварительного следствия было установлено следующее: в период времени с 2000 г по апрель 2009 г в населенных пунктах Хабаровского края граждане РФ женского пола – жительницы Хабаровского края путем обмана или злоупотребления доверием, а также уговоров и обещаний цивилизованных, комфортных условий труда и проживания, высокого денежного заработка, обеспечения личной безопасности, под предлогом трудоустройства в зарубежных странах были завербованы, перевезены с перемещением через границу Российской Федерации в иностранные государства, в том числе в Турцию, Израиль, Грецию и Кипр, и проданы для дальнейшей сексуальной эксплуатации.

Согласно обвинительному заключению С. и А. совершили торговлю людьми, то есть куплю-продажу человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, совершенные в отношении двух и более лиц, в отношении пяти заведомо несовершеннолетних, с перемещением потерпевших через Государственную границу Российской Федерации и с незаконным удержанием их за границей, с изъятием документов, удостоверяющих личность потерпевших, с применением насилия и с угрозой его применения, совершенные организованной группой. С. и А. совершили деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, совершенные с применением насилия и угрозой его применения, с использованием для занятия проституцией пяти заведомо несовершеннолетних. С. и А. совершили вовлечение в занятие проституцией и принуждение к продолжению занятия проституцией, с применением насилия и угрозой его применения, с перемещением потерпевших через Государственную границу Российской Федерации с незаконным удержанием их за границей, совершенные организованной группой, в отношении пяти заведомо несовершеннолетних.

В ходе осуществления международного сотрудничества с представителями правоохранительных структур указанных государств, в особенности при взаимодействии с представителями государства Израиль факты продолжительного функционирования международной преступной группы, в состав которой входили два гражданина РФ женского пола, были

подтверждены документально.

Действия лиц, привлеченных к уголовной ответственности, были квалифицированы по п. «в» ч.3 ст.127.1, п. «б,в» ч.2 ст.241, ч.3 ст.240. Приговором Ленинского районного суда г.Комсомольска-на-Амуре, с учетом положений ст. 69, ст. 3 УК РФ, подсудимым С. и А. назначены наказания в виде 7 лет лишения свободы условно с испытательным сроком на 5 лет [6].

Рассмотрим еще один пример. Соловьева С.С., находясь в г.Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края, вступила в предварительный сговор с К. на торговлю людьми, то есть вербовку, перевозку, укрывательство женщин, проживающих в г.Комсомольске-на-Амуре, с целью их эксплуатации за пределами Российской Федерации – в Китайской народной республике и извлечения для себя материальной выгоды, для чего умышленно, с целью купли-продажи людьми, в указанный период времени, в Ленинском округе г.Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края, совместно с К. подыскала Н., С., А., Ф. и В., которым К. предложил свои услуги по вывозу их в Китай, при этом введя Н., С., А., Ф. и В. в заблуждение о том, что в КНР они будут работать в ресторанах и гостиницах в качестве официантов без оказания сексуальных услуг, однако по приезду в КНР, К., незаконно удерживал за границей Н., С., А., Ф. и В., поселив их в гостиницы и изъяв у последних заграничные паспорта, чем лишил возможности покинуть республику Китай. Соловьева С.С. заставляла Н., С., А., Ф. и В. систематически заниматься проституцией против воли последних, при этом присваивала себе денежные средства, полученные от занятия проституцией Н., С., А., Ф. и В. [7].

Приговором Ленинского районного суда г.Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края от 25.11.2010 г Соловьева С.С. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ (в редакции ФЗ № 73 от 21 июля 2004 года), назначив ей наказание по этой статье в виде лишения свободы на 4 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Приговором суда с участием присяжных заседателей Московского окружного суда от 25.04.2011 г. признано доказанным, что в период не позднее сентября 1999 г Янаем Ави, Слесаревым, Стояном было создано объединение лиц для подбора и передачи лиц женского пола за денежное вознаграждение за границу иным лицам для их сексуальной эксплуатации за деньги, путем перемещения через Государственную границу Российской Федерации.

О пресечении деятельности преступной группы, занимавшейся торговлей людьми из стран Юго-Восточной Азии и СНГ в Западную Европу через территорию России, сообщила в марте 2007 г. ФСБ России. Операция прошла совместно со Службой национальной безопасности Республики Узбекистан, правоохранительными органами Италии, Финляндии и Генерального секретариата Интерпола. По данным ФСБ, члены международной группы длительное время осуществляли торговлю людьми и организовали каналы нелегального перемещения иностранных граждан из

Юго-Восточной Азии и стран СНГ в Западную Европу транзитом через территорию России. Тогда были установлены более 20 лиц, причастных к торговле людьми. В частности, в группировку входили также граждане Молдовы и Украины. Как сообщили в ЦОС ФСБ, «в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий установлено, что в городах Архангельск, Вологда, Екатеринбург, Ижевск, Калининград, Омск, Уфа, Хабаровск членами преступного сообщества создавались подставные фирмы, от имени которых под предлогом трудоустройства за границей заключались фиктивные договоры с российскими гражданами с целью незаконного завладения их заграничными паспортами». Затем через турфирмы в паспорта в иностранных посольствах и консульствах в Москве и Санкт-Петербурге оформлялись подлинные шенгенские визы, а в подпольной лаборатории изменялись паспортные данные и клеивались фотографии лиц, переправляемых в страны Европы. Цена изготовления паспорта и перемещения мигранта через границу составляла от 3 до 5 тысяч евро [5].

Действия преступников были квалифицированы по ст. 210, 127.1, 240, 241, 322.1, 327 УК РФ. За совершение преступлений, квалифицированных по указанным статьям, подсудимым было назначено наказание, не превышающее 19 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима со штрафом [3].

Представленные примеры следственной и судебной практики наглядно показывают, что действия лиц, участвующих в международных преступных организациях, деятельность которых направлена на осуществление торговли «живым товаром» по законодательству РФ квалифицируются, как правило, по ст.ст. 127.1 (торговля людьми), 210 (организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)), 240 (вовлечение в занятие проституцией), 241 (организация занятия проституцией) УК РФ. При этом транснациональный характер действий преступных групп ни у кого не вызывает сомнения, и подтверждается документально по результатам международного взаимодействия, осуществляемого сотрудниками правоохранительных органов разных стран. Наряду с этим, неоспоримым остается факт отсутствия в законодательстве РФ правовой нормы, которая позволила бы дать соответствующую правовую квалификацию действиям участников преступных организаций, носящих международный характер, а также назначить соразмерное наказание за совершенные противоправные общественно-опасные деяния указанными лицами, что, безусловно, является актуальным вопросом, учитывая непрерывный рост масштабности действий преступных групп, осуществляющих торговлю людьми на международном уровне.

В таких странах как США, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, имеются законодательные акты, регламентирующие работу государственных органов по противодействию торговле людьми, достаточно эффективно борющихся с этой проблемой. Законодательства всех рассмотренных государств имеют правовые акты, в той или иной мере касающиеся торговли

людьми: Закон «О защите жертв торговли людьми» 2000 г., Закон «О жертвах преступлений» 1984 г. в США; Закон Мерлини № 75 1958 г. и Закон о торговле людьми 1997 г. в Италии; Закон об иностранцах 1998 г. в Нидерландах; Закон о борьбе против торговли людьми и детской порнографии 1995 г. в Бельгии [4]. Вместе с тем ни в одном из законодательных актов указанных стран не предусмотрена ответственность за торговлю людьми лицами, входящими в состав международных организованных преступных организаций, деятельность которых направлена на торговлю людьми. При этом законодатели каждой из стран не отрицают международного масштаба данного явления.

Учитывая быстрое развитие данного преступного «бизнеса», невозможно отрицать необходимость введения правовой нормы, которая позволит давать правовую оценку торговцев «живого товара» - участников международных преступных групп.

Учитывая изложенное, предполагаю возможным введение особо квалифицированного состава ст. 127.1 УК РФ в виде включения в указанную норму п. г в части 3 и изложение ст. 127.1 УК РФ в следующей редакции:

Статья 127.1. Торговля людьми

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи:

а) повлекшие по неосторожности смерть, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или иные тяжкие последствия;

б) совершенные способом, опасным для жизни и здоровья многих людей;

в) совершенные организованной группой,

г) совершенные в составе международной организованной группы - наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Библиографический список

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (ратифицирована Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ).

2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (ратифицирован Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ).

3. Кубов Р.Х. Торговля людьми как вид транснациональной преступности : научная статья. - «Российский следователь», 2008. №1.

4. Кобец П.Н. Законодательные основы противодействия преступлениям, связанным с торговлей людьми (иммигрантами и незаконными мигрантами), в западноевропейских странах и США : сб. статей. - «Миграционное право», 2008. №4.

5. Хабаровская фирма продавала секс-рабынь в бордели Китая и

Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/crime/25jan2005/rab.html>.

6. Архив Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре. Дело № 572409.

7. Приговор от 25 ноября 2010 года. Принят Ленинским районным судом г. Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край) / [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/17558713/15213281/>.

УДК 343.13

Чурсин А.А. Институт реабилитации: проблемы изложения в УПК РФ

The Rehabilitation Institute: problems of interpretation in Russian Criminal Proceeding Law

Александр Александрович Чурсин
аспирант кафедры
уголовного права и процесса Тюменского
Государственного университета.
Главный специалист службы
Уполномоченного по правам человека
в Тюменской области
e-mail: alch72@rambler.ru

Alexander Alexandrovich Chursin
post graduate student of The chair
of criminal law and a criminal proceeding
Law in Tyumen State University
e-mail alch72@rambler.ru

Аннотация:

В статье раскрываются результаты исследования положений современных норм Российского права, регламентирующих институт реабилитации лиц, претерпевших ограничения конституционных прав вследствие незаконных или не обоснованных мер процессуального принуждения правоохранительными органами. Автор указывает на существенные недоработки института реабилитации. В статье высказывается необходимость модернизации и переработки существующих положений Главы 18 УПК РФ.

Abstract: The article is about results of scientific research of terms, which represents Rehabilitation institute in Russian Criminal Proceeding Law. The author introduces such an important unfixed aspects of Russian Rehabilitation Institute. In the article also was represented point of view about necessity of modernization of 18th Chapter “Rehabilitation” in Russian Criminal Proceeding Law.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, институт реабилитации, восстановление прав, возмещение вреда, модернизация

Keywords: criminal procedure, criminal procedure, Rehabilitation Institute, restoration of rights, indemnification, upgrade

Исходя из неоднородного и противоречивого пути развития российского государства, можно сделать вывод, в том числе, и о неоднозначной судьбе института реабилитации в российском уголовном процессе [3], поскольку те исторические процессы и явления, которые имели место быть в российской истории, несомненно, повлияли на сегодняшнее состояние института реабилитации [6,17]. На сегодняшний день, сам термин «реабилитация» по-прежнему и в большинстве научных трудов чаще всего соотносится и отождествляется не с восстановлением правового статуса, утраченного права или правоотношения, а с изменением статуса человека, осужденного при советской власти во время массовых политических репрессий. Тем не менее, сегодня в России постепенно развивается демократическое общество и защита прав граждан, особенно в такой значимой сфере общественной жизни как уголовное право и процесс, имеет крайне важный характер.

Проведенный анализ положений российского уголовно-правового законодательства и имеющейся судебной практики [8] свидетельствует о необходимости и крайней важности дальнейшего совершенствования института реабилитации с целью создания оптимального процессуального режима для эффективного решения задач уголовного судопроизводства.

Анализируя основания реабилитации, содержащиеся в статьях главы 18 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что основаниями реабилитации являются отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, непричастность лица к совершению преступления. Прекращение уголовного преследования и оправдание по этим основаниям приводит к возникновению права на реабилитацию лица и восстановлению его прав в полном объеме. Все прочие основания, упомянутые в законе, не указывают на невиновность лица, а свидетельствуют о процессуальных нарушениях в уголовном судопроизводстве и позволяют лицу обращаться за судебной защитой своих прав [9,18].

Однако из положений Главы 18 следует, что обнаружение основания возникновения права на реабилитацию само по себе не дает лицу права требовать компенсации причиненного ему вреда. Необходимо прежде всего признание государством за гражданином такого права, о чем делается

отметка в приговоре суда или постановлении следователя (дознвателя) в соответствии с положениями ч. 1 статьи 134 УПК РФ.

Кроме того, учеными, изучающими институт реабилитации, указывается, что введение уголовно-процессуальным законом понятия "признание права на реабилитацию" окончательно вводит человека в заблуждение: оказывается, оправдательный приговор или постановление о прекращении дела по реабилитирующему основанию - это еще не реабилитация, это только право на реабилитацию¹.

По мнению автора, при дополнительной научной разработке и модернизации положений главы 18 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации необходимо обратить внимание на то, что субъект права на реабилитацию и субъект права на возмещение вреда в порядке реабилитации – по сути, два статуса одного и того же субъекта, между которыми существует, своего рода, временной промежуток, предоставленный для обжалования процессуальных решений. Субъект права на реабилитацию - это лицо, которое при наличии установленных законом оснований, имеет право на признание его невиновным в инкриминируемом ему преступлении с вынесением соответствующего решения. Субъектом права на возмещение вреда в порядке реабилитации является лицо, акт реабилитации, в отношении которого вступил в законную силу. Недопустимой с позиций верховенства прав человека является сложившаяся ситуация - действия органов государственной власти, связанные с необоснованным уголовным преследованием или осуждением, являются грубым посягательством на человеческое достоинство. Причем человек становится объектом произвола дважды – сначала при причинении ему вреда незаконными действиями правоохранительных органов, а затем при препятствовании его возмещению по признанному праву на реабилитацию. Важным моментом здесь является волевой характер обращения потерпевшего за возмещением вреда, который показывает, что в возмещении вреда, причиненного в результате незаконного или необоснованного применения мер принуждения, заинтересована только сторона потерпевшего, государство в свою очередь дает лишь право обратиться за компенсацией [10,28]. Соответственно, если гражданин не обращается за компенсацией, с позиций действующих положений главы 18 УПК РФ он будет считаться реабилитированным, однако о логическом завершении процесса реабилитации в широком смысле, в отношении данного лица речи не идет. С позиций правового государства и гражданского общества это, не может быть расценено как приемлемое положение дел - крайне малое количество лиц обращается за компенсациями, поскольку требование о возмещении вреда в контексте действующей Главы 18 УПК РФ воспринимается для гражданина как очередной этап разбирательства с государством, только что незаконно и необоснованно вторгнувшимся в сферу

¹ См.: Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 46 - 48 // СПС "КонсультантПлюс"; Макарова О.В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 30 - 36.

конституционных прав человека. Необходимо учитывать, что далеко не у большинства лиц, потерпевших от незаконных действий правоохранительных органов присутствует достаточный уровень правовой грамотности и правосознания, позволяющий понимать в каких именно аспектах и ситуациях их права были нарушены. Тем более трудность и неразрешимую проблему для таких граждан будет представлять процесс подачи искового заявления о возмещении вреда, в порядке главы 18 УПК РФ с целью возмещения вреда, причиненного незаконным и необоснованным обвинением, осуждением, применением мер принуждения[6;32]. Опять же, потребуется квалифицированная юридическая помощь, которая потребует дополнительных расходов от лица, которое и так претерпело негативное воздействие и только в случае положительного вердикта по делу данное лицо сможет получить компенсацию как вреда, так и судебных расходов. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в главе 18 УПК РФ предусмотрен порядок возмещения вреда жертвам незаконного уголовного преследования и принуждения максимально удобный для государства и абсолютно не удобный для реабилитируемых.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что гарантом обеспечения прав лиц, пострадавших от незаконного принуждения и осуждения является модернизация и переработка положений Главы 18 с постепенным уходом от состязательности процесса реабилитации к ее гарантированности государством в полном объеме как в декларативном, так и в материальном смысле.

Библиографический список

- Алмазова Т.А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
- Безлепкин Б.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1981.
- Бойцова Л.В. Реабилитация необоснованно осужденных граждан: Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990.
- Бойцова Л.В. Возмещение ущерба “жертвам правосудия” в России // Российская юстиция. 1994. № 6. С. 46.
- Бойцова Л.В. Ответственность государства за ущерб, причиненный гражданам в сфере правосудия: генезис, сущность, тенденции развития: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1995.
- Войтенко О.Н. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц органов дознания и предварительного следствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
- Глыбина А.Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе России. / А.Н. Глыбина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. С.78.
- Ильютченко Н.В. Возмещение ущерба, причиненного личности в уголовном процессе незаконными действиями органов дознания,

предварительного следствия, прокуратуры и суда: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

- Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

- Подопригора А.А. Институт реабилитации в уголовном процессе: дисс. канд. юрид. наук., Ростов на Дону, 2004.

- Синельщиков Ю. Полномочия прокурора в досудебном производстве по новому УПК// Законность. 2002. № 3. С. 6.

- Соболева А.Н. Бесплатная юридическая помощь: российская практика и стандарты Совета Европы/ А.Н. Соболева // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 14-16.

- Таджикиев Т.Т. Проблемы реабилитации в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ташкент, 1991.

- Цанава М.А. Уголовная ответственность за преступления против чести и достоинства граждан по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990.

Секция 4. Право зарубежных стран

УДК 341

Пальцева Е.С. Международно-правовые стандарты регулирования свободы слова и права на защиту доброго имени

International legal standards of regulation of freedom of expression and the right to protection of good name

Пальцева Елена Сергеевна
Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск
lena-adress@mail.ru

Paltseva Elena Sergeevna
Petrozavodsk state University, Petrozavodsk

Аннотация

приемлемость норм международного права при регулировании вопросов защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан

Ключевые слова: правовой суверенитет, международное право, доброе имя, Европейский суд по правам человека

Abstract

the applicability of international law when regulating questions of protection of honor, dignity and business reputation of citizens

Keywords: legal sovereignty, international law, good name, the European court of human rights

Вопрос о соотношении норм международного права и внутреннего (национального) права является актуальным для любого независимого государства, т.к. непосредственно связан с реализацией принципа государственного суверенитета и взаимодействия с международным сообществом.

Российская Федерация, приняв в 1993 году Конституцию РФ, определила основные принципы такого соотношения, общий смысл которого можно свести к следующему: регулирование и защита прав и свобод человека не является только внутренним делом государства.

На конституционном уровне Российская Федерация признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права (ч. 1 статьи 17 Конституции РФ). В первую очередь это означает, что в основе правовой системы Российской Федерации лежат не только принципы

национального законодательства, но и общепризнанные стандарты, принятые в международном сообществе.

Часть 4 статьи 15 Конституции РФ логически дополняет вышеназванную норму и закрепляет приоритет международного права над национальным: «если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора».

Указанная конституционная норма продублирована в статье 7 Гражданского Кодекса РФ, где отмечено, если правила, предусмотренные гражданским законодательством, отличаются от правил международного договора, то применяются правила международного договора.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»^[1] от 10 октября 2003 года дано следующее разъяснение по этому вопросу: «Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами... в частности, при рассмотрении гражданских дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем законом Российской Федерации, который регулирует отношения, ставшие предметом судебного рассмотрения». Кроме этого, неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права».

Таким образом, государственные органы, суды в пределах своей компетенции не только вправе, но и обязаны использовать правила международных договоров для разрешения конкретных дел, а физические и юридические лица вправе обращаться к нормам международного права с целью защиты своих прав.

Среди международно-правовых источников регулирования свободы слова, свободы выражения мысли можно отметить следующие акты: Всеобщая декларация прав человека, принятая и провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года – статьи 18, 29; Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года – статья 19; Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая Советом Европы 4 ноября 1950 года – статья 10; Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ, принятая 12 февраля 2004 года на 872 – м заседании Комитета министров Совета Европы; Декларация о СМИ^[2] от 28 ноября 1978 года, Политическая декларация о средствах массовой информации в демократическом обществе, принятая на 4 – ой

Европейской конференции министров по политике в области средств массовой коммуникации 8 декабря 1994 года.

Обратим внимание на три международных документа, расположенных в хронологическом порядке (по дате принятия), изучение которых поможет выявить основания ограничений свободы слова на международном уровне.

Статья 29 Всеобщей декларации прав человека^[3] провозгласила: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод^[4] 1950 года (далее: Европейская конвенция)^[5] значительно конкретизировала ограничение свободы слова. В п. 2 статьи 10 указывается: «Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Статья 19 Международного Пакта «О гражданских и политических правах»^[6] подчеркивает, что особые обязанности и особая ответственность налагаются при пользовании правом на свободное выражение своего мнения. Оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц; для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Статья 20 Пакта дополнительно устанавливает запрет на всякую пропаганду войны, подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.

Анализ этих трех документов позволяет сделать вывод о том, что в период с 1948 по 1966 годы были конкретно сформулированы ограничения свободы слова, которые можно свести к двум требованиям: ограничения должны быть установлены законом и быть необходимыми в демократическом обществе.

Для достижения указанных целей были созданы контрольные органы в виде Комитета по правам человека ООН^[7] и Европейского Суда по правам человека. В первом случае решения носят рекомендательный характер для стран – участниц, во втором случае – обязательный.

Конституция РФ позволяет не только применять международные

нормы для защиты своих прав, но и использовать международные механизмы их защиты. Право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека в соответствии с международными договорами закреплено в п. 3 статьи 46 Конституции РФ в случае, «если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Следовательно, гражданин РФ и иное лицо, находящееся на территории России, является субъектом международного права.

Смысл этого процессуального требования состоит в первую очередь в том, что система защиты прав человека путем международных институтов, по природе своей является субсидиарной, т.е. вспомогательной. Это значит, что защиту прав человека в первую очередь должны обеспечивать национальные органы, в том числе и суды, которые обязаны признавать международные принципы в качестве приоритетной основы защиты прав человека.

Российские граждане могут обратиться в Европейский Суд по правам человека после того, как состоялось решение суда в апелляционной инстанции (т.е. после вступления решения суда в силу), или в первой, апелляционной и кассационной инстанции в системе арбитражных судов. При этом следует иметь в виду правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой конституционное судопроизводство в каждом конкретном случае не относится к тем внутригосударственным правовым средствам, использование которых должно рассматриваться в качестве обязательной предпосылки для обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

Не препятствует обращению в Европейский Суд и отсутствие решения суда надзорной инстанции, поскольку производство надзорной инстанции является дополнительной гарантией конституционного права на судебную защиту.

Механизм, предусмотренный Европейской Конвенцией, включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда Комитетом министров Совета Европы. В силу ст.46 Европейской Конвенции «любая Высокая Договаривающаяся Сторона может в любое время заявить, что она признает *ipso facto* и без специального соглашения обязательную юрисдикцию Суда в отношении вопросов, относящихся к толкованию и применению настоящей Конвенции». Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда обязательной по вопросам её толкования и применения^[8]. На основании этого можно выделить два способа действия Конвенции и Протоколов к ней: прямое и опосредованное, через практику Европейского Суда по правам человека.

Ставка на судебный претендент дает всем субъектам права – государствам, гражданам, юридическим лицам знание о том, как должны применяться нормы права в конкретных ситуациях. Причем знание очень детальное, конкретное и осязаемое. В его основе понимание того, что если аналогичные или сходные ситуации будут повторяться, то аналогичным или сходным образом будет применяться и норма права.

Таким образом, перечень прав и основных свобод, непосредственно закрепленных Конвенцией и Протоколами к ней, конкретизируется и получает официальное толкование (которое имеет обязательный характер), в виде решений Европейского Суда по правам человека при рассмотрении конкретных дел.

Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих постановлений указывает, что «выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем, чтобы предупредить повторение подобных нарушений»^[10].

Нарушение прав человека на защиту чести, достоинство и деловой репутации в СМИ может быть предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека. Основанием является статья 10 Конвенции, которая с одной стороны признает право каждого свободно выражать свое мнение, которое «включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ» (п. 1 статьи 10), а с другой стороны, предусматривает определенные ограничения и санкции, «которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе ... для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации» (п. 2 ст. 10).

При изучении проблем защиты чести и достоинства вследствие распространения несоответствующих действительности порочащих сведений в судебном порядке особенно интересны решения Европейского Суда по правам человека, отражающие его позицию о пределах допустимых ограничений в целях защиты чести и достоинства личности.

Анализ прецедентов Европейского Суда позволяет говорить о единообразном подходе к рассмотрению такого рода дел. Вот лишь некоторые из подходов.

1. Лейтмотивом всех судебных решений по применению статьи 10 Конвенции является идея о жизненно важной функции СМИ в демократическом обществе, выраженная, в частности, в Постановлении Европейского Суда от 20 мая 1999 года по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии»^[11]. В п. 59 Постановления отмечено, что пресса играет важную роль в демократическом обществе. Хотя она не должна переступать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, её долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который не противоречит её обязанностям и ответственности, — информацию и идеи по всем вопросам, представляющий общественный интерес. Суд принимает во внимание и тот факт, что журналистская свобода охватывает даже некоторую долю преувеличения и даже провокацию.

2. Европейский Суд указывает на необходимость разграничения оценочных суждений и утверждений о фактах. Данный подход был отражен

Европейским Судом в постановлении по делу «Лингенс против Австрии» следующим образом: с точки зрения Суда, следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию. Суд также отметил, что выполнить требование о доказывании истинности оценочных суждений невозможно, поэтому предъявление такого требования нарушает саму свободу выражения.

Эта позиция Европейского Суда на сегодняшний день нашла наиболее полное отражение в решениях российских судов и закреплена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Это очень актуально для правоприменительной практики, т.к. в российском законодательстве нет нормы, которая бы прямо закрепляла, что мнение не может быть опровергнуто в порядке статьи 152 Гражданского Кодекса РФ, кроме того, в статье 152 Гражданского Кодекса РФ употребляется понятие «сведения», которое может включать в себя и мнение, и утверждение о фактах.

В своих решениях суды стали чаще ссылаться на Европейскую Конвенцию о защите прав человека. Так, гражданин К. обратился в суд с иском к М. о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда. В обоснование своих требований указал, что он является нотариусом. Ответчик М. обратился в Главное Управление Федеральной регистрационной службы по Алтайскому краю с жалобой на ведение нотариусом наследственного дела. В обращении было допущено неуважительное высказывание в адрес истца, а именно: «... так что выходит он присвоил себе $\frac{3}{4}$ суммы, что ей получать. Разве справедливо, что таких жадных людей допускают к кормушке и они доят народ».

Решением Быстроистокского районного суда Алтайского края от 30 мая 2006 года в удовлетворении иска К. отказано в полном объеме. При этом в мотивировочной части решения суд указал, что в соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 29 Конституции РФ, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, свободу массовой информации, учитывая позицию Европейского Суда по правам человека при рассмотрении подобных споров, суд проверяет утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить. А оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной проверки в порядке ст. 152 Гражданского Кодекса РФ, поскольку являются выражением субъективного мнения и не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

3. Европейский Суд подчеркивает различный уровень правовой защиты, зависящий от статуса лиц, в отношении которых распространяются те или иные сведения.

В Постановлении «Лингенс против Австрии» Европейский Суд указал: «...пределы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего

первый должен проявлять и большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию».

Так, публичный статус истца обеспечивает более высокую планку защите свободы выражения мнения, по сравнению с интересами частного лица.

В последнее время ссылки на европейские стандарты стали чаще встречаться в решениях по искам о защите чести и достоинства. Во много это связано с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а так же деловой репутации граждан и юридических лиц», в котором Верховный Суд РФ рекомендовал нижестоящим судам при рассмотрении таких исков учитывать требования статьи 10 Европейской Конвенции и соответствующую практику. Однако если учитывать, что Европейская Конвенция включена в правовую систему РФ, то её положения должны применяться в обязательном, а не рекомендательном порядке.

Правовая позиция суда, высказанная в любом его решении, важна для всех стран – участниц Конвенции, так как демонстрирует подходы Европейского Суда к решению тех или иных споров, разъясняет текст Конвенции и дает ориентиры при рассмотрении аналогичных споров. Создается прецедентная система для национальных судов, которая определяет идеальную модель для применения права.

В последнее время в научной литературе обсуждается вопрос о том, не ограничивают ли решения Европейского Суда правовой суверенитет России. До 2010 года данный вопрос не поднимался ввиду того, что правовые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда совпадали, поскольку и цель была общая: защита конституционных и конвенционных ценностей.

Поводом для дискуссии послужила ситуация, возникшая после принятия Европейским судом постановления от 7 октября 2010 года по делу «Константин Маркин против России»^[12].

При решении вопроса о том, что имеет приоритет: толкование Конституционного Суда РФ или Европейского Суда согласимся с мнением Председателя Конституционного Суда РФ В. Зорькина: «Принципы государственного суверенитета и верховенства Конституции в правовой системе России относятся к основам ее конституционного строя. Конвенция как международный договор России является составной частью ее правовой системы, но она не выше Конституции. Конституция в статье 15 устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями Конституции. Монополия на истолкование положений Конституции и выявление конституционного смысла закона принадлежит Конституционному Суду. И поэтому истолкование Конституции, данное высшим судебным органом государства, не может быть преодолено путем толкования Конвенции, поскольку ее юридическая сила все-таки юридическую силу Конституции не превосходит.

Каждое решение Европейского суда — это не только юридический, но

и политический акт. Когда такие решения принимаются во благо защиты прав и свобод граждан и развития нашей страны, Россия всегда будет безукоснительно их соблюдать. Но когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской Конвенции о правах человека и тем более прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений»^[13].

Представляется верным, что Европейский суд не должен своими решениями подменять компетенцию Конституционного Суда РФ. Принцип государственного суверенитета предполагает верховенство национальной Конституции. Наднациональные суды являются дополнительным, субсидиарным инструментом, их цель – гарантировать единообразное понимание и применение норм Конвенции.

Не смотря на возникший прецедент, связанный с делом «Константин Маркин против России», конструктивный диалог, который ведется с 1998 года, должен быть продолжен, поскольку направлен на защиту прав и свобод человека, на внедрение общеевропейских стандартов в правоприменительную практику и законодательство РФ.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»//Российская газета. — 2003. — 2 дек.

[2] Полное наименование: Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне:

[3]Всеобщая декларация прав человека: принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. — 1995. — 5 апр.

[4] Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в Риме 4 ноября 1950 г. (в ред. Протокола № 11) // СЗ РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

[5] Россия вступила в Совет Европы 28 февраля 1996 года, ратифицировала Европейскую конвенцию 30 марта 1998 года, после чего Европейская конвенция стала составной частью российской правовой системы и подлежит прямому применению судами РФ.

[6] Международный Пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.

[7] Комитет по правам человека ООН создан и действует на основании Международного Пакта о гражданских и политических правах, который был принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года, и вступил в силу 23 марта 1976 года. Российская Федерация приняла обязательства по Международному Пакту о гражданских и политических правах и Факультативному Протоколу к Международному Пакту с 1 октября 1991 года.

[8] Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» //

СЗ РФ. -1998. — № 14. — Ст. 1514.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. — 2003. — 2 дек.

[11] Постановление Европейского суда по правам человека от 20 мая 1999 года, «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» // Судебная практика Европейского Суда по правам человека по статье 10 Европейской конвенции: в 3 т.: т. 1/отв. ред. Г.Ю. Арапова.. — СПб.: Центр защиты прав СМИ. — 2004. — С. 96-98.

[12] Суть противоречия сводится к следующему: В определении от 15 января 2009 г. № 187-О Конституционный суд отметил, что российское правовое регулирование, предоставляющее военнослужащим-женщинам возможность отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста и не признающее такое право за военнослужащими-мужчинами (они могут воспользоваться лишь кратковременным отпуском), не нарушает положения Конституции о равенстве прав и свобод независимо от пола. Европейский Суд сделал вывод, что «рассматриваемое российское законодательство не является совместимым с Конвенцией и обнаруживает широко распространенную в правовом механизме проблему, касающуюся значительного числа людей».

[13] Зорькин В. Д. Предел уступчивости / В.Д.Зорькин // Российская газета. — 2010. — 29 окт.

Секция 5. Информационное право

УДК 004.9:321.7(476)

Переверзева Н.А., Щербак Н.Е. К вопросу о создании программы «электронный гражданин» в республике Беларусь

To the question of the establishment of the program "e-citizen" in Belarus

Переверзева Нина Анатольевна, Щербак Наталия Евгеньевна
Гродненский государственный аграрный университет, г. Гродно
БИП – Институт правоведения, г. Гродно
nina771166@mail.ru, nanaly2015@mail.ru

Pereverseva Nina Anatolevna, Shcharbak Nataliya Evgenevna
Grodno State Agrarian University, Grodno
BIP – Institute of Law, Grodno

Аннотация

В статье обосновывается актуальность создания программы «Электронный гражданин», содержащей пакет интегрированных услуг для обеспечения безопасного доступа граждан к сервисам «Электронного правительства».

Ключевые слова: информационное общество, Электронное правительство, защита информации, идентификация гражданина.

Abstract

The article substantiates the relevance of the “e-Citizen” program, containing a package of integrated services for safe access of citizens to the office “e-government”.

Keywords: information society, e-government, data protection, citizen identification.

Развитие информационного общества является одним из национальных приоритетов Республики Беларусь. Информационное общество – это современный этап развития цивилизации с доминирующей ролью знаний и информации, воздействием информационно-коммуникационных технологий на все сферы человеческой деятельности и общество в целом.

Одним из приоритетных направлений развития информационного общества является «Электронное правительство», без которого переход общества на новую ступень уже невозможен.

«Электронные правительства» создаются во многих странах мира. Наиболее качественно функционирующим «Электронным правительством» отличаются США, Новая Зеландия, Великобритания, Австралия, Канада, Норвегия, Сингапур, Нидерланды, Германия, Дания. В этих странах в рамках деятельности «Электронного правительства» в режиме «онлайн» стали реально доступными многие виды государственных услуг. Среди них ответы на запросы в государственные органы; получение распространенных форм официальных документов, их заполнение и отправка с идентификацией электронной подписи (включая прием налоговых деклараций, постановку на учет в службе занятости); различные платежи по электронным формам (от квартплаты до уплаты штрафов и налогов); прием заявлений в полицию (в случае кражи или угона автомобиля); прием в вузы на дистанционные, интерактивные формы обучения.

«Электронное правительство» представляет собой инфраструктуру, которую в данный момент создают государственные органы Республики Беларусь, изменяя способы выполнения своих задач. Такая работа государственных органов предполагает обеспечение граждан и организаций быстрым и качественным доступом к государственным услугам и повышение эффективности их функционирования путем широкого использования информационных компьютерных технологий.

Переход к «Электронному правительству» предполагает предоставление всеми государственными органами электронных услуг, возможность получения любым желающим любой публичной услуги через веб-портал правительства. Это возможность получать через сеть документы и осуществлять сделки, получать паспорта, лицензии и т.п.

Данное направление действительно активно развивается в Республике Беларусь, принимаются и претворяются в жизнь стратегии развития информационного общества, корректируется работа государственных органов и организаций.

Так, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы, иные государственные органы и государственные организации обязаны размещать информацию о своей деятельности в сети Интернет на официальных сайтах этих государственных органов и организаций либо на соответствующих страницах официальных сайтов вышестоящих государственных органов и организаций.

Таким образом, можно сказать, что этап присутствия в сети уже преодолен. «Электронное правительство» в Республике Беларусь находится на уровне «обратной связи», когда уже появляется интерактивность, возможность осуществлять некоторые операции в онлайн-режиме.

Однако, на наш взгляд, упускается один очень существенный момент.

Представим ситуацию, когда в государственное учреждение обращается с просьбой гражданин, выдающий себя за другого. Цели злоумышленника могут быть различными, например, навредить тому, за кого

себя выдает, отказавшись от какого-либо права, незаконно получить какие-либо документы или информацию.

Нельзя смотреть на ситуацию только со стороны обязывания государственных чиновников удовлетворять запросы граждан в электронной форме. Необходимо разработать систему идентификации гражданина, обращающегося за оказанием электронной услуги, причем одной уже неплохо разработанной ЭЦП (электронной цифровой подписи) тут не достаточно.

Соответственно одной из важных программ «Электронного правительства» должна стать программа «Электронный гражданин». Должен быть создан пакет интегрированных услуг для законного и безопасного для обеих сторон осуществления доступа граждан с рабочих или домашних компьютеров к сервисам «Электронного правительства».

Электронное научное издание

ПРАВО, СУД, ПРАВОСУДИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

25 февраля 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-5-00-005574-8

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,8. Тираж 100 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул. Бекетова 53.